

Большинство интервью случается ради текста для публикации. И лишь изредка в качестве особо щедрого подарка мы получаем Общение, где процесс дороже результата. Разговор с Григорием Чхартишвили из их числа.

Григорий Шалвович был зван в редакцию. В общем разговоре за накрытым столом также приняли участие Елена Дьякова, Галина Мурсалиева, Дмитрий Муратов, Олег Хлебников. А наш гость, увидев накрытый стол, признался, что интервью в подобном контексте дает впервые. И по сетовал на данное самому себе обещание похудеть

— Когда пишешь, нельзя сидеть на диете — радости нет от жизни. Поэтому между романами вынужден возвращать себя в исходное состояние. Но обычно процесс написания занимал полтора—два месяца, а в этот раз писал полгода. Вышел такой толстенный том, а я потолстел на 9 килограммов.

— А что за роман?

— Второй из современной серии про Фандорина-внука, называется «Внеклассное чтение». Я так необычно долго для себя писал его, что даже сделал паузу и написал пьесу в стихах. «Гамлет». Не уверен, что это интересно читать, но сам получил массу удовольствия! Давно хотел разобраться, что же там на самом деле произошло в замке Эльсинор. В этой пьесе действует человек по имени Горацио фон Дорн.

— А чем занимаетесь в перерывах между романами?

— Есть проект, который меня сейчас занимает более всего. Условно он называется NPF (No pulp fiction) — то есть литература, которая существует без целлюлозы и в принципе не может существовать на бумаге. Компьютерную часть обеспечивает Артемий Лебедев, Вячеслав Курицын отвечает за все прочие медийные составляющие проекта, а я — за литературную основу. Идея полноценной электронной книги витает в воздухе давно. Но обычно этим занимаются компьютерщики, для которых литературный текст что-то вторичное. В нашем случае сборник рассказов о Эрасте Фандорине должен стать самостоятельным полноценным произведением, включающим и гипертекст, и интерактивность, и многовариантность. Будут использованы музыка XIX века, русская классическая живопись, всякие артефакты. По-русски он будет называться «Кабинет Эраста Фандорина», а по-английски — The study of Fandorin, что имеет двойное значение.

Процесс сам по себе увлекательный. У меня и переговоры по продаже прав на экранизацию в Голливуде так тянутся, поскольку я не хочу отдавать им электронные права, а в Америке их принято покупать до кучи.

— Календарь «Фандоринская Москва» открывается портретом Фандорина из вашего фамильного собрания...

— Нет никакого фамильного собрания, это издатель Захаров пошутил. У меня дома в кабинете висит один-единственный портрет, который я купил год назад в антикварном магазине на Мясницкой. Захожу в магазин — вижу портрет Фандорина на стене, правда, почему-то в путевском мундире. Стал думать и придумал историю, почему он в путевском... Потом напишу. Это правильный портрет, он может менять выражение лица. Когда пишу, оглядываюсь на портрет и чувствую, одобряет Эраст Петрович или он недоволен.

— А на какой из собственных романов хотелось крикнуть: «Ай да Акунин! Ай да сукни сын!»?

— Конечно, есть роман, который мне нравится больше остальных, как есть и тот, который раздражает, — тут спрятана еще одна игрушка. В

фандоринском цикле каждый роман рассчитан на человека определенного психологического типа. Это значит, что у человека, прочитавшего все мои романы, всегда будет один любимый и один нелюбимый. И если вы мне назовете свои

предпочтения, я смогу представить себе ваш психологический портрет.

— А если меня ни один роман не раздражает? — поинтересовался один из нас.

— Я еще не закончил серию. Может, роман, который будет раздражать вас, я еще не написал.

— Вокруг вас все время происходят загадочные истории отношений придуманных вами героев и реальных людей...

— Когда-то давно мне позвонил возбужденный Виктор Пелевин и сказал, что получил письмо от героя своего рассказа «День бульдозериста»: откуда, мол, вы узнали про мое существование? Тогда я сам еще не писал прозу и нехорошо подумал про Витю — не выпил ли писатель лишнего. Потом со мной самим стали происходить такие же истории. Получил письмо от внучки героя «Пикового вальса», и оказалось, что действительно был такой корнет Савин, международный аферист, проворачивал аферы, которые мне и не придумать. В конце моего романа Савин уезжает из Москвы со словами: «А не стать ли мне монархом где-нибудь в славянской стране или в Латинской Америке под видом немецкого принца?!». Оказалось, реальный Савин чуть не стал царем Болгарии, явившись туда в 1882 году под именем графа Тулуз-Лотрека. В конце концов он был сослан в Сибирь, потом бежал — куда для меня замкнуло круг.

Все истории, если они придумываются правильно, существуют в каких-то параллельных мирах. И ты ничего не придумываешь, а угадываешь, что же там произошло.

— Говорят, после «Алтын-Толбаса» на вас обиделся Каха Бендукидзе.

— Я понятия не имел, кто такой Бендукидзе, но в день, когда сдал роман в типографию, увидел в киоске журнал «Профиль», на обложке которого толстый грузин в очках. А в романе герой видит толстого грузина на обложке журнала «Анфас». Купил журнал, начал читать, и стало смешно — совпало все или почти все. Боже мой, подумал я, что я натворил?! Кетати, в новом романе у этого героя будет довольно неожиданное развитие. Надеюсь, Бендукидзе его путь не повторит.

— В каком-то из романов о Пелагии звучит серьезный вопрос: если все создал Бог, значит, и зло тоже создал Бог? В романе Митрофаный так и не отвечает, а свой ответ на этот вопрос у вас есть?

— Смысл жизни, насколько я понимаю, в том, что человек, чтобы стать лучше, дол-

жен пройти некий путь испытаний, а как пройти испытания, если нет Зла? Об этом Митрофаный и рассуждает. Я бы не хотел, чтобы мои сочинения воспринимались как философские трактаты, как учебники жизни — не дай бог! Пародии на диалоги с Сократом в «Пелагии и белом бульдоге» являются, в сущности, хулиганством — ну захотелось мне пошутить! Только-только фабула начинает набирать скорость, и вдруг висит здорovenный плюс, который, думаю, большинство читателей благополучно пропускают. Хотя случаются исключения, которые меня самого удивляют. Ту часть рассуждений, где

он не представляет опасности, настоящее Зло опасно своей привлекательностью.

— То есть Зло для вас герой не менее интересный, чем Фандорин?

— Более того, во многих случаях логически правы бывают именно те, кто воплощает Зло, а не мой герой. В «Азазеле» я во многом согласен с леди Эстер, в «Статском советнике» Пожарский мне несимпатичен, но он во многом прав. Если бы Пожарский пришел к власти, не было бы революции и большого террора. В тех странах, где к власти пришли пожарские — Антонеску, Хорти, Пиночет — погибли тысячи, а не миллионы.

написать приключенческий роман?

— Было поколение дворников и сторожей, в котором был маленький отдел технических переводчиков. Работа примерно такой же интересности, но только лучше оплачиваемая. Я делал технические переводы с японского и достиг в этом больших успехов, ничего в технике не понимая, — в школе по алгебре, физике и по химии всегда были двойки и тройки. А служил я всегда в тех местах, куда надо ходить два раза в неделю после обеда, чтобы рано не вставать. При

— Зависит от романа. Если это женская серия, то все развивается по женскому типу развития, и меня несет, куда вынесет. В мужской серии присутствует жесткая архитектурная композиция, где все заранее просчитано. Скванность в творческом смысле — штука плодотворная. В каждом новом романе я стараюсь придумать себе дополнительную удавку, так, в «Любовнике смерти» решил, что это будет написано языком необразованного подростка, что очень трудно. Необходимо ощущать сопротивление материала,

Григорий ЧХАРТИШВИЛИ:

В ПРОШЛОМ СВЯТОЙ МОГ БЫТЬ ЗЛОДЕЕМ

идет речь о налогообложении, журнал «Украинский бухгалтер» напечатал в переводе на украинский язык. Чем я был страшно польщен.

— А как официальная церковь реагирует на романы про Пелагию и Митрофаный?

— С уважением отношусь к вере, в некотором смысле завидую людям верующим и никоим образом не хотел бы оскорбить их. Люди истинно христианского мировоззрения, кажется, это понимают. Мои православные фантазии вызывают раздражение у клерикальной части общества. Но вера и религиозные институты — вещи совершенно разные, а часто противоположные. Впрочем, из священной среды есть отклики другого рода. Один священник мне написал, что на самом деле я занимаюсь «пропагандой православия».

— Но читателей, для которых модели поведения — Пелагия и Митрофаный, гораздо меньше, чем тех, на кого может воздействовать Фандорин...

— Людей, которые имеют склонность к духовной, а не плотской жизни, и должно быть меньше. Иначе это опасно для этноса.

— Вы как-то говорили, что каждый роман пишется не ради добра, не ради положительного героя, а чтобы показать зло с разных сторон.

— В сущности, и это не главное — приключенческие романы пишутся лишь для того, чтобы развлечь читателя. Но я и мои знакомые иногда, когда выпиваем, вдруг как и положено в этой стране, начинаем обсуждать вопросы добра и зла. Я глубоко убежден, что Добро — норма, а Зло — аномалия. А если это так, то Зло намного интереснее, поскольку аномалия всегда интереснее нормы. Мой положительный герой почти везде одинаков и предсказуем, а Зло бесконечно многообразно и соблазнительно. Несоблазнительное Зло — это мелкий бес,

Но если судить в категориях нравственности, не важно, сколько жертв, достаточно, что один человек погиб. Фандорин поступил по-конфуциански: так, как велел ему внутренний кодекс, — помешал леди Эстер, помешал Пожарскому. Но для нас, живущих сегодня, хорошо или плохо, что Фандорин разрушил систему «азазелей», которые могли направить мир по рационалистическому пути? Я не знаю ответа на эти вопросы. Но знаю, что когда что-то кажется правильным и разумным, а сердце протестует, то слушать нужно сердце. Меня занимает метаморфоза Добра и Зла — есть грань, когда Добро перестает быть таковым и превращается в еще худшее Зло.

— А Зло может стать Добром?

— Думаю, да. Злодей может стать святым.

— Но Фандорин — не просто персонаж, а носитель определенной философии. По Конфуцию: «Делай, как должно, и будь, как будет». Это как витамин, без которого у общества цинга. Надо действовать просто по правилам, думая об их соблюдении, а не о том, что будет, если...

— Главный долг человека — перед самим собой, а не перед обществом или народом. Пресловутое народопоклонство — это такое же поклонение идолам, как и любое другое. Человек должен прожить сполна и понять, для чего родился на свет, — вот в чем его главный долг, по-моему. Каждый человек умеет делать что-то лучше всех на свете. Трагедия человеческой жизни состоит в том, что ничтожно малый процент людей обнаруживает в себе свой талант. А нужно непременно найти, что именно ты можешь делать лучше всех на свете. И прожить свою жизнь, а не ту, что придумали для тебя другие.

— Как вы — востоковед, переводчик Мисимы — решились найти свою другую жизнь и

таком режиме по пять часов в день тратил на компьютерные игры. Писать приключенческий роман значит задействовать в мозгу тот же центр удовольствия, что и при игре. И сейчас я получаю удовольствие, оставаясь лентяем, а мне за это еще и платят деньги. Считайте, что я осуществил свою персональную национальную мечту.

— 15 романов за 4 года — это называется «оставаться лентяем»?

— Для меня писать роман, или сидеть в архиве, или читать литературу по теме — это не тяжелый труд, а удовольствие.

— Почему временем действия вы выбрали именно XIX век?

— Есть определенное сходство 90-х годов XX века со временем царствования Александра II, есть ностальгия по эпохе, когда казалось, что любые человеческие проблемы можно решить при помощи технического прогресса, при помощи радио. Это был период, когда русская литература была великой, мы чувствуем эту харизму. И потом, мне просто нравится предметный ряд эпохи.

— Вы играете всерьез. Нет ли соблазна написать всерьез, играя?

— Это очень русская традиция — тяжело писать, причем о том, что подчас не заслуживает такого уж серьезного отношения. Мне больше нравится, когда пишут легко о серьезном. Такая возможность появилась в новой русской литературе, которой прежде, в силу понятных культурных и исторических причин, не хватало легкости. Литература перестала быть важным делом, чему я очень рад. Когда в стране писатель — важная фигура, значит, в обществе что-то неблагополучно.

— Начиная писать, вы знаете, чем закончится очередной роман?

иначе ничего не получится, по крайней мере у меня.

— К писателям всегда пристают с вопросом: ваш герой — это вы? В какой степени Фандорин — это вы?

— Фактически ни в какой, если не считать японской составляющей. Я бы не хотел быть таким, как Фандорин. Я бы хотел быть счастливым, а Фандорин, в общем, несчастлив — каким романтический герой и должен быть. Хотя бы для того, чтобы в каждом новом романе у него появлялась новая подруга, и я бы мог представить поочередно все привлекательные для меня женские типы.

— Недовольство жены подобная галерея не вызывает?

— Жена хорошо знает, что я не описываю знакомых. У меня достаточно богатое воображение.

— Неужели и в оставшихся трех романах не подарите своему герою настоящую любовь?

— Подарю. Но пока не расскажу, когда именно.

— Фандорин принципиально богат?

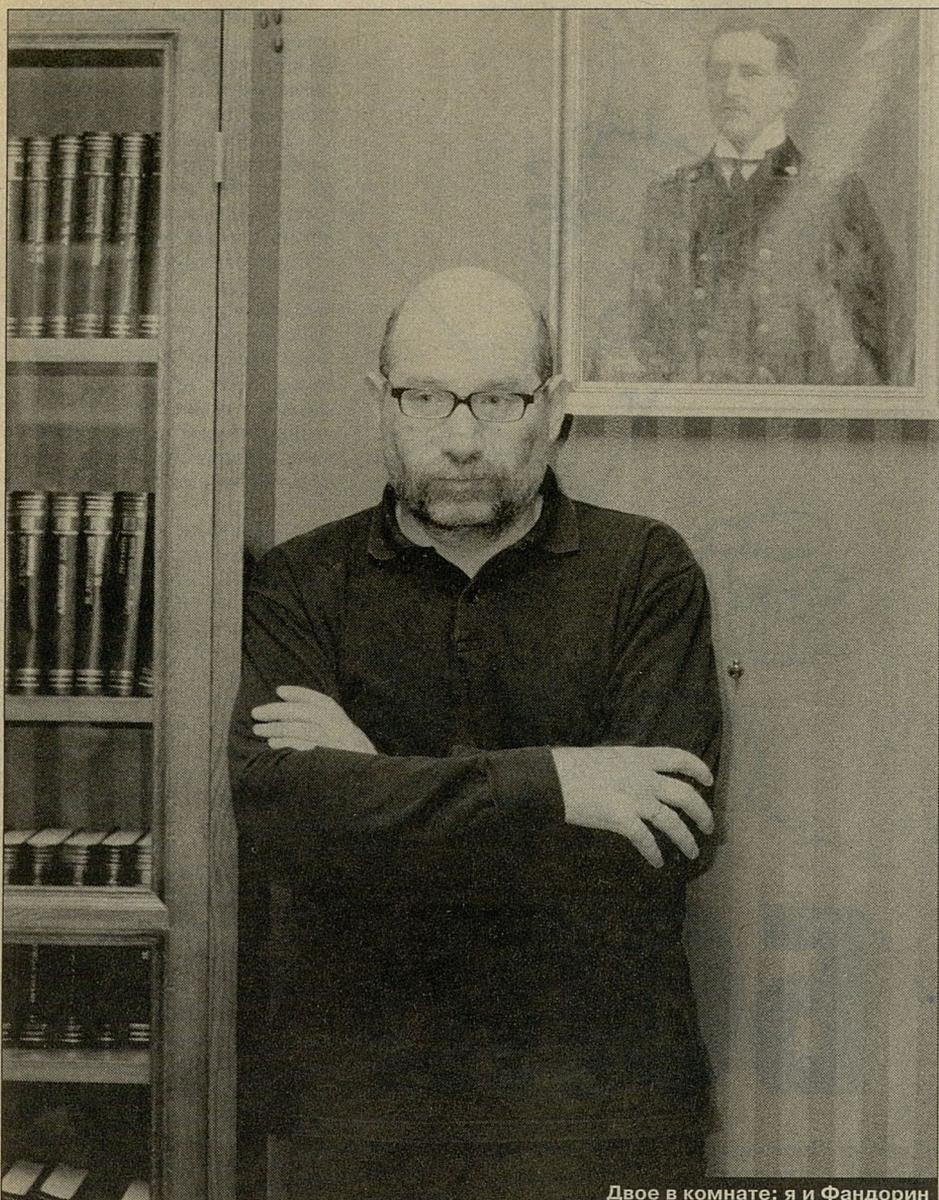
— Есть люди, у которых с деньгами все хорошо, даже если ни копейки нет, а есть те, кто всегда будут нищими, сколькими бы миллионами ни владели. Фандорин — счастливый тип человека, для которого деньги — не проблема, он не придает им значения. Все, до чего он дотрагивается, превращается в золото, деньги у него появляются сами собой, я даже не считаю нужным в романе это объяснять. Ведь он при всеобщей несчастливости — патологически счастливчик.

— Наивный вопрос: каким непостижимым образом вам удалось то, что долгое время в русской литературе не удавалось никому, — создать героя?

— Был бы рад, если бы удалось. Герой, с моей точки зрения, воплощает не типические нацио-

1.04.02
Чхартишвили Григорий
Акунин Борис

319

Ксения БОНДАРЁВА

Двое в комнате: я и Фандорин

нальные черты, а дефицит этих черт. Это как отношения инь и янь — тянешься к тому, чего в тебе нет. В Фандорине есть то, чего нет в русском человеке, — соединение британского джентльмена и японского самурая. Отсюда, я полагаю, и привлекательность.

— **Кроме того, вы дали новому русскому то, что есть у его собаки и нет у него самого, — историческую почву.**

— Мифологизированную, какой, впрочем, историческая почва всегда и является. Мне понравилось, как Борис Гребенщиков сказал, что я «выдумываю Россию, которую можно любить». Это близко к моему ощущению. Мне необходимо выделить в стране, в которой живу, качества, которые я могу любить лично и персонально. Этих качеств в России немало. И чем дольше живу, тем больше это замечаю. Мы во многом стыдимся своего прошлого. Но нельзя смешивать понятия страна—правительство—государство. *Страна для меня — это культура, самая ценная секрция, которая вырабатывается людьми, живущими на данной территории. А правители — это пена, накипь.*

— **Но смотрите, что происходит. Родителям солдат, служащих в Чечне, разрешили самим приезжать в военные казначейства, получать боевые деньги за детей. И родители едут через всю страну, пишут сыновьям письма с просьбами задержаться на войне, чтобы хоть немного денег еще получить... Это чья нравственность — правителей или народа?**

— Чтобы человек был нравственным, он как минимум не должен бояться за свою жизнь ежеминутно. Если базовые условия — еда, крыша над головой, безопасность — не обеспечены, человек, как животное, руко-

водствуется рефлексам. Люди не от хорошей жизни готовы ехать в Чечню за сравнительно небольшими деньгами, которыми оплачивается угроза для жизни их детей. Я не склонен их за это осуждать. Реальность, в которой существуют эти люди, ужасна. Можно ли назвать нормальной жизнью то, что происходит во многих углах российской провинции? Чтобы говорить о чувстве собственного достоинства, о нравственности — обо всем, о чем можем мы позволить себе рассуждать здесь, в благополучной Москве, — должны быть созданы элементарные материальные основания. И долг власти — создавать условия, при которых люди могут позволить себе чувство собственного достоинства.

В конце нашего долгого, трехчасового разговора «на посошок» задала нашему гостю еще один вопрос: формулировал ли он когда-нибудь, что значит для него «быть счастливым»?

— Примерно то же, что для всех. Что же касается специфических вещей, которые отличают литератора от иных профессий, мне бы хотелось, чтобы каждая следующая книжка была лучше предыдущей.

— **А критерий «лучше» — тираж, пресса, отклики близких?**

— Критерий один — сам должен чувствовать... А еще мне хотелось бы, чтобы люди моего склада, моего ремесла перестали ныть и поняли, что, если они хотят, они могут! У меня много друзей, от которых исходит такая творческая вибрация, что дух захватывает.

— **Нет леди Эстер, способной открыть им, для чего их предназначил Бог?**

— Нет Штольца, который будет стаскивать их с дивана.

● Елена АФАНАСЬЕВА